

В этот момент откуда-то быстро выбежал человек. Из-за огромной разницы в росте тот, что пониже, сначала получил мощный удар ногой и рухнул на землю. Он даже сообразить не успел, кто его сбил, как тот же человек отвесил ему еще пару пинков в грудь — да так больно, что парень даже заорать не смог.

Другому мужчине Гу Саньюй только что врезала по лицу, в глазах у него искрилось от боли, как вдруг в живот прилетел сильнейший удар ногой, и он с жалобным воплем тоже растянулся на асфальте.

Гу Саньюй как раз распалилась: только что влепила одному оплеуху и уже занесла ногу для добивающего пинка, но не успела. Её правую руку резко дёрнули, и она мгновенно оказалась в знакомых объятиях. Пока она ошеломлённо хлопала глазами, прибежавший по инерции сам добавил хулиганам ещё один удар ногой.

Гу Саньюй подняла голову и посмотрела на Лу Чжэ.

Лицо Лу Чжэ было суровым. Бросив беглый взгляд на высокого парня, стоявшего рядом с Хань Яньшэн, и убедившись, что тот не смеет соваться и лезть в драку, он опустил взгляд на неё.

Припарковав машину, он заметил здесь потасовку. Издалека её силуэт показался до боли знакомым, а когда он понял, что это Гу Саньюй, им овладела дикая ярость, и он бросился сюда в два счёта.

Если бы не его вовремя прилетевший пинок, Саньюй наверняка досталось бы ещё не по одному месту.

Лишь крепко прижимая её сейчас к груди, он почувствовал, как ярость понемногу отступает.

Стоя босиком, Гу Саньюй задрала голову, глядя на него. Лу Чжэ даже заметил в её глазах радость — неужели из-за того, что он пришёл? Но ведь он опоздал так сильно, неужели она совсем на него не сердится?

Лу Чжэ коснулся её лица, нежно оглаживая щеку:

— Тебя где-нибудь задела?

Гу Саньюй покачала головой.

На самом деле спина жутко болела, но, видя, как Лу Чжэ, пусть и со злостью во взгляде, разговаривает с ней так мягко, и чувствуя тепло его ладони на коже, ей совсем не хотелось заставлять его волноваться ещё сильнее.

Низкорослый хулиган, увидев перед собой эту парочку, со странным упорством поднял

оброненную дубинку и снова бросился на них.

Хань Яньшэн испуганно завизжала:

— Саньуй! Он...

Лу Чжэ стоял к нападавшему спиной, и если бы тот замахнулся, удар пришёлся бы прямо по нему. Гу Саньуй не успела даже подумать — изо всех сил толкнула Лу Чжэ левой рукой вбок.

Дубинка со всего маху обрушилась ей прямо на левое плечо.

По телу тут же прокатилась волна тупой боли.

Лу Чжэ, оттолкнутый Гу Саньуй, лишь в ужасе увидел падающую дубинку — он даже среагировать не успел. Раздался её приглушенный стон, и она едва устояла на ногах.

Стиснув зубы, Лу Чжэ выругался:

— Черт возьми!

Он бросился вперёд, одной рукой схватил коротышку за шиворот, отобрал дубинку и принялся методично и жестоко избивать того её же оружием.

Парень орал благим матом.

Тот второй, которого сбили с ног раньше, уже попытался было подняться и дать сдачи, но, увидев, с какой лютой яростью Лу Чжэ лупит обидчика, смертельно испугался, подбежал к высокому парню и, схватив его за рукав, поспешно удрал.

Увидав, что те сбежали, Хань Яньшэн быстрыми шагами подбежала к Гу Саньуй и поддержала её под руку. Гу Саньуй бросила на неё косой взгляд и не стала ничего говорить.

Решив, что с того хватит — всё равно сил сопротивляться у нападавшего не осталось, да и на ноги он подняться уже не мог, — Лу Чжэ швырнул дубинку куда-то в темноту, а затем достал телефон и сделал звонок.

Подойдя к Гу Саньуй и заметив её смертельно бледное лицо, он почувствовал, как в груди снова заняло от боли.

Правой рукой Гу Саньуй придерживала левое плечо и тихо проговорила:

— Зачем ты его так жестоко избил? Ты ведь только что в полицию звонил?

Лу Чжэ покачал головой и, подхватив Гу Санью под коленки, поднял на руки:

— Сама еле на ногах стоишь от побоев, а всё о других переживаешь. Сейчас кто надо придет и во всем разберётся.

Сделав пару шагов, он оглянулся на застывшую на месте Хань Яньшэн:

— Будь любезна,хвати сумку и туфли Санью.

Хань Яньшэн испуганно пискнула — «Ой!» — и бросилась подбирать с земли обувь и сумочку.

Лу Чжэ шёл впереди, Хань Яньшэн плелась позади на расстоянии метра.

Добравшись до машины, он обернулся:

— Помоги достать ключи, они в правом кармане куртки.

Хань Яньшэн выполнила просьбу, открыла дверцу и положила вещи на заднее сиденье.

Осторожно усадив Гу Санью в салон, Лу Чжэ снял своё пальто и укрыл её плечи, после чего занял водительское кресло и повернул ключ зажигания.

У Гу Санью пересохло во рту. Повернув голову к Хань Яньшэн за окном, она процедила:

— Если у тебя есть хоть капля мозгов, закрой рот и никому ничего не рассказывай по возвращении.

Хань Яньшэн молча кивнула.

В этот момент Лу Чжэ нажал кнопку, и стекло стало медленно подниматься. Хань Яньшэн робко окликнула:

— Послушай... Санью, спасибо тебе.

Гу Санью обессиленно скривила губы в усмешке:

— Просто они мне втроём с самого начала глаза мозолили, и только. К тебе это не имеет никакого отношения.

Хань Яньшэн всё же слабо улыбнулась:

— Я знаю. Ты всегда была такой: слова острые, а сердце мягкое.

Гу Санью бросила на неё тяжёлый взгляд:

— И ещё кое-что: где я — там тебе лучше не попадаться мне на глаза.

Хань Яньшэн ничего не ответила.

Она знала. Она всегда это знала — у Гу Саньюй просто такой характер. Сегодня та вполне могла бы остаться в стороне, глядя, как её травят трое отморожков, но всё равно не стерпела, вмешалась и помогла.

Гу Саньюй осталась прежней Гу Саньюй. Как бы сильно она ни ненавидела и ни презирала Хань Яньшэн, если перед её глазами творилось бесчинство, оставаться в стороне и слепо закрывать на это глаза её совесть никогда не позволяла.

Хань Яньшэн взмахнула рукой и быстро зашагала прочь.

Гу Саньюй тихо спросила:

— Куда мы едем?

— В больницу, тебе нужно сделать снимок.

— Не поедem в больницу, — Гу Саньюй потянула его за рукав. — Давай сначала домой.

Ты хочешь, чтобы я помог тебе раздеться?

— Тебе необходимо обследоваться, — Лу Чжэ приложил ладонь к её лбу — девушка слегка потела. — Последний удар дубинкой был слишком сильным, нужно показаться врачу и сделать рентген.

— Не хочу, — помотала головой Гу Саньюй. — Мяса на мне много, максимум — поболит пару дней и сойдёт.

— Не шути со своим здоровьем.

Лу Чжэ нахмурился, лицо его было темнее тучи.

Она ведь говорит абсолютно серьёзно, чёрт побери! Если посреди ночи Лу Чжэ потащит её в больницу, это же пища для сплетен на весь университет! Уж такой душой она точно не была.

Хотя она прекрасно понимала, как сильно он за неё переживает, ей жутко не хотелось становиться главной темой для вечерних пересудов из-за какого-то пустяка.

— Я правда не хочу в больницу, — Гу Саньюй виновато улыбнулась ему. — Давай лучше к тебе, м?

— Послушай меня.

Одной рукой Лу Чжэ вырулил на дорогу, а второй мягко потрепал её по волосам.

— Если повезёшь меня в больницу, я расплаюсь, — Гу Саньюй обиженно надула губы. — Честно, я буду реветь навзрыд.

Лу Чжэ скосил на неё глаза: её черты лица комично сжались от усердия, а в устремлённых на него глазах блестели самые настоящие слёзы. Сдавшись без боя, он вздохнул:

— Ладно-ладно, как скажешь.

— На самом деле ничего страшного, просто пару раз огрели дубинкой, кости целы, — принялась успокаивать его Гу Саньюй. — Вернёмся домой, намажешь мне спину лечебной настойкой, и всё пройдет, правда.

— Судя по твоим речи, это я тут пострадал, — горько усмехнулся Лу Чжэ. — Саньюй, от таких слов мне становится ещё совестнее.

Гу Саньюй благоразумно предпочла замолчать.

Теперь у неё ныли вся спина и левое плечо. Подумать только: сходила, блин, на встречу выпускников — заработала букет травм. Покосившись на Лу Чжэ, она заметила, как он полностью сосредоточен на дороге, но брови его по-прежнему были сурово сдвинуты — напускное спокойствие никак не могло скрыть его тревогу.

Загнав машину на подземную парковку, Лу Чжэ обошел авто, открыл дверцу со стороны пассажира и бережно поднял её на руки.

Сейчас было уже всё равно, увидит их кто-нибудь или нет — они сразу поднялись наверх на лифте.

К счастью, на дверях квартиры Лу Чжэ стоял кодовый замок, и возиться с ключами не пришлось.

Заперев за ними дверь, он сначала уложил её на диван, а сам бросился в ванную: настроив воду в набиравшейся купели до нужной температуры, он оставил её набираться и заглянул в спальню, вытащив оттуда тёмную рубашку.

Вернувшись в комнату, он протянул ей одежду:

— Сходи в душ, просто сполоснись. У тебя раны, вода не должна быть слишком горячей — чем прохладнее, тем лучше. А когда закончишь, переоденься в мою рубашку.

Гу Саньюй кивнула, взяла вещи и попыталась встать, но Лу Чжэ снова подхватил её на руки — алкоголь еще не до конца выветрился из крови, и в голове слегка кружилось.

Дойдя до ванной, Лу Чжэ опустил крышку унитаза и усадил её сверху. Гу Саньюй легонько пихнула его в грудь:

— Иди уже, доктор.

— Кхе-кхе, — Лу Чжэ отвернулся и предельно официальным тоном осведомился: — Тебе помочь раздеться?

Выражение лица Лу Чжэ в этот момент кричало омерзительным: «Я вовсе ничего такого не думаю, просто ты калека и тебе неудобно, я исключительно из альтруизма, честно-честно».

Мысленно захихикав, она покачала головой:

— Не надо, я сама справлюсь.

Заметив, что Лу Чжэ не спешит уходить, она поспешно добавила:

— Правда, не утруждайся, эту рубашку расстегнуть — раз плюнуть, лифчик сзади нащупать и застёжку щелкнуть тоже секундное дело, серьезно.

Произнеся это, она вдруг перехватила странный взгляд Лу Чжэ и только тогда осознала всю глупость сказанного.

Заявлять какому-то парню, что её лифчик легко расстёгивается наощупь — она что, сдурела окончательно?

К счастью, хотя Лу Чжэ и смотрел на неё странно, развивать тему он не стал, лишь кивнул:

— Ладно. Как закончишь, позови. Главное, следи, чтобы вода не была горячей, смотри у меня.

— Знаю, не переживай.

Лу Чжэ вышел за дверь и плотно прикрыл её за собой, а в голове у него всё ещё крутилась её фраза: «...лифчик сзади нащупать и застёжку щелкнуть...»

Вспомнив, как той ночью он действительно расстегнул её застёжку одним движением руки...

Он яростно мотнул головой, отгоняя мысли. Надо поискать аптечку — кажется, в прошлый раз он убрал её куда-то в кабинет.

Сбросив одежду, Гу Саньюй забралась в ванную.

Раньше волосы были распущены, и теперь, когда она погрузилась в воду, добрая их половина намочила. Пожав плечами, она нашарила на полочке тюбик с шампунем, выдавила немного и

принялась намымывать голову. Левым плечом особо не подвигаешь, спина саднила, так что одной рукой мыться было жутко неудобно. Кое-как ополоснувшись пару раз, она намылила тело мылом, смыла пену и на этом решила закончить водные процедуры.

Поднявшись на ноги, она окинула взглядом полочку с полотенцами — судя по всему, это были вещи Лу Чжэ.

А полотенце-то он ей дать забыл! Не вылезать же теперь мокрой и голой в коридор, чтобы просить его о помощи? Поразмыслив, она решила просто воспользоваться его вещами, к чему было так сентиментальничать.

Она вытерла капли воды с тела и обернула вокруг головы полотенце.

Затем она с унынием посмотрела на нижнее белье: носить его было неудобно, но и без него обойтись нельзя. Она вздохнула — без бюстгалтера она чувствовала себя так, будто вообще без одежды. Если выйти в таком виде, грудь непременно будет выделяться, а разве это не откровенный соблазн?

Она приложила огромные усилия, чтобы застегнуть хотя бы одну застёжку на спине. Из-за боли в левом плече заворачивать руку назад было трудновато, но сколько она ни старалась, остальные застёжки не поддавались.

Ладно, подумала она, хватит и одной. Лишь бы надеть получилось.

Она открыла дверь и увидела, что Лу Чжэ сидит на диване в гостиной. Аптечка на журнальном столике была открыта, и он что-то в ней искал.

Гу Саньюй сама подошла к нему, и Лу Чжэ, заметив её приближение, произнес:

— Разве я не просил тебя позвать меня, когда закончишь мыться?

— Зачем звать тебя после душа? — Гу Саньюй подергала себя за одежду и пошутила: — Всё уже помыла, позвать тебя помочь одеться?

— Я бы с радостью, — тихо пробормотал Лу Чжэ.

— А? — опешила Гу Саньюй. — Что ты только что сказал? Я не расслышала.

— Я говорю, — Лу Чжэ указал на полотенце, которым была обмотана её голова, — давай быстрее высушим волосы, а то простудишься.

Лу Чжэ уже заранее приготовил фен. Он зашёл ей за спину и снял с головы полотенце.

Волосы ещё были влажными, и он слегка потёр их полотенцем, которое держал в руке.

Гу Саньюй торопливо запротестовала:

— Я сама, я сама.

Лу Чжэ пропустил её слова мимо ушей:

— Если хочешь, чтобы плечо болело еще несколько дней, можешь отказаться прямо сейчас.

Гу Саньюй смущённо опустила руки.

Закончив вытирать ей волосы, Лу Чжэ взял фен. Гу Саньюй только собиралась заговорить, как Лу Чжэ опередил её:

— Всё, что тебе сейчас нужно делать — это послушно сидеть и молча слушать, иначе я немедленно отвезу тебя в больницу.

Гу Саньюй умолкла.

Стоя у неё за спиной и усердно суша волосы, Лу Чжэ действовал очень бережно, словно боялся причинить ей хоть малейший дискомфорт. Сушка шла с исключительной тщательностью.

Если не считать парикмахеров, Лу Чжэ был лишь вторым человеком в её жизни, кто сушил ей волосы своими руками. Первой, разумеется, была мама.

Гу Саньюй вспомнила детство: каждый раз, когда она мыла голову, мама брала полотенце и вытирала ей волосы. В девятилетнем возрасте в доме появился фен, и после мытья головы она послушно сидела на месте, ожидая, пока мама придёт и высушит ей волосы. Мамина рука зарывалась в её длинные волосы: Волосы у нашей Саньюй просто загляденье. Вот вырастешь, выйдешь замуж, мама сделает тебе красивую причёску.

Позже этому так и не суждено было сбыться.

Гу Саньюй задумалась.

Когда волосы наполовину высохли, Лу Чжэ убрал фен, сел напротив неё и протянул руку, чтобы расстегнуть пуговицы на рубашке.

Гу Саньюй испуганно вздрогнула: Эй? Это ещё зачем?

Лу Чжэ не останавливал рук: Я хочу посмотреть рану на твоём плече.

Гу Саньюй протяжно произнесла: Аа.

Лу Чжэ расстегнул три пуговицы, отвёл ворот рубашки в сторону, и большая часть её плеча обнажилась.

Кожа у Гу Саньюй была белоснежной, и теперь на левом плече уже проступили сине-фиолетовые кровоподтёки, а вокруг них всё ещё держалось покраснение и припухлость.

Лу Чжэ почувствовал, как у него внутри всё сжалось от боли. Неужели ей совсем не больно? С самой их встречи она ведь ни разу не пикнула.

Лу Чжэ перевёл взгляд с её плеча на её лицо. Волосы рассыпались по плечам, и она тоже повернула голову, разглядывая собственное левое плечо.

Оно и правда так опухло? Гу Саньюй нахмурилась: Это же просто синяк, верно? Наверное, через пару дней пройдёт.

Видя, как легко она об этом говорит, Лу Чжэ почувствовал себя ещё тяжелее на душе, хотя на лице не показал ни единой эмоции: Сначала сделаем тебе ледяной компресс, а потом намажем маслом сафлора.

Гу Саньюй вспомнила, как в прошлый раз Лу Чжэ уже помогал ей растирать масло сафлора. Похоже, у неё какая-то особая кармическая связь с этим маслом, раз за эту неделю она видит его уже во второй раз.

Лу Чжэ достал из холодильника влажное полотенце, которое только что там охлаждал, и сказал Гу Саньюй: Будет немного холодно.

С этими словами он сложил полотенце квадратом и приложил к месту ушиба.

От холода ледяного полотенца Гу Саньюй почти полностью протрезвела. В месте компресса появилось лёгкое онемение, и боль уже не казалась такой острой, как раньше.

Лу Чжэ сполоснул полотенце и снова убрал его в морозилку.

Вернувшись, он застал Гу Саньюй за зевком — она явно клонилась ко сну, поэтому он решил побыстрее закончить с мазью.

Он достал масло сафлора, вылил немного на ладонь: Сейчас я намажу тебя лекарством. Чтобы оно лучше впиталось, я буду слегка массировать место ушиба, будет больно, так что потерпи.

Воздух наполнился специфическим ароматом масла сафлора, и Гу Саньюй произнесла: Ничего страшного, раньше я и сама себя растирала, когда падала.

Лу Чжэ рассчитал силу давления, растёр масло ладонью по коже, а затем принялся легко разминать её.

Гу Саньюй издала приглушённый стон — и впрямь было очень больно.

Лу Чжэ придерживал её левой рукой, а правой осторожно массировал её плечо туда-сюда. Когда он надавливал сильнее и слышал, как она судорожно втягивает воздух, он тут же сбавлял темп и массировал мягче. Прошло около десятка минут, и действие лекарства в основном впиталось. Гу Саньюй запахла воротник.

Лу Чжэ потянул её за руку: — Не спеши застёгивать пуговицы, покажи-ка мне спину.

— Спину? — озадаченно посмотрела на него Гу Саньюй, а затем, сообразив, добавила: — Ой, да там... Меня не сильно били, сейчас уже почти не болит.

Лу Чжэ взглянул на неё, достал из холодильника только что выpolосканное полотенце и проверил — оно было не слишком холодным. Вернувшись, он сел перед ней и рывком притянул к себе в объятия: — Сама разденешься или мне помочь?

Гу Саньюй подняла голову и скосила на него взгляд: — Раздеться?

В таком положении? В его объятиях?

Подумав немного, она решила, что он в общем-то прав: если нужно осмотреть раны на спине, одежду действительно придётся снять. Наверное, чтобы избавить её от неловкости, он решил просто обнять её. В таком случае, если Гу Саньюй послушно прижмётся к нему, Лу Чжэ, как ни склони голову, увидит лишь её обнажённую спину.

— Я сама, — Гу Саньюй расстегнула ещё несколько пуговиц, и Лу Чжэ помог ей опустить рубашку до талии. Ощувив, как большая часть кожи оказалась открыта воздуху, Гу Саньюй на мгновение почувствовала себя неудобно.

На спине дела обстояли, конечно, лучше, чем на плечах, но и там виднелись синяки. При виде этих ссадин он невольно вспомнил того мужика, которого избил так, что тот не мог подняться. Позже надо будет ещё раз позвонить и как следует распорядиться насчёт этой троицы.

Тех, кто осмелился тронуть его человека, он непременно отблагодарит по заслугам.

Заметив, что на нижнем белье Гу Саньюй застёгнута всего одна пуговица, Лу Чжэ принялся расстёгивать его сам. Гу Саньюй не смела и пикнуть.

Он развернул полотенце и приложил ей к спине. Почувствовав прохладу, Гу Саньюй чутьё ёжилась и прижалась ближе к его груди.

Тело Лу Чжэ внезапно напряглось. На нём самом была надета лишь тонкая рубашка, а верхняя половина тела Гу Саньюй, можно сказать, обнажённой прижалась к нему. Малышка всё ещё проявляла изрядную бдительность и крепко прикрывала грудь руками, но от её внезапного движения вперёд его сердце затрепетало от мягкого прикосновения.

Но разве сейчас время для легкомысленных мыслей?

Я стану твоей опорой

Спустя несколько минут Лу Чжэ убрал полотенце, капнул на ладонь немного масла хуахуаю и мягко растёр его по синякам.

Боль была уже не такой резкой, даже приятно. Гу Саньюй подумала про себя, что у нашего директора рука всё-таки очень лёгкая и профессиональная.

Уткнувшись лицом ему в плечо и прижавшись всем телом к его груди, он чувствовал под рукой её мягкую, нежную кожу. Лу Чжэ раз за разом сдерживал себя, но каждое мгновение такого контакта было для него сущим испытанием.

Закончив с мазью, Лу Чжэ помог ей застегнуть белье и поднял рубашку от талии. Ухватившись за края одежды, она приподнялась, а Лу Чжэ застегнул ей пуговицы. Гу Саньюй исподтишка наблюдала за ним. На Лу Чжэ тоже была надета рубашка — бледно-голубая, а внизу — повседневные брюки, причём подол рубашки был заправлен в пояс, дополненный ремешком.

Нельзя было отрицать: Лу Чжэ — аккуратный, красивый мужчина, от которого исходит неповторимое очарование.

Его глаза умели говорить. Например, прямо сейчас в них читались нежность и боль за неё.

У него был очень красивый изгиб переносицы, а тонкие губы, плотно сжатые вместе, выглядели невероятно притягательно.

Вспомнив, как отчетливо она почувствовала, что его тело на миг напряглось, Гу Саньюй мысленно хихикнула.

Она перевела взгляд: — У меня ещё правая рука немного болит.

Лу Чжэ не смел относиться к этому легкомысленно: он сразу пересадил её к себе на колено, взял за руку и внимательно осмотрел. Кожа действительно была немного содрана, но, к счастью, аптечку ещё не убрали. Про себя он выругал себя за невнимательность.

Обработав царапины йодом, Лу Чжэ спросил: — Где-нибудь ещё чувствуешь дискомфорт?

Он обнимал её за плечи, осторожно протирая кожу спиртом, и спрашивал, где болит. Его сосредоточенный и глубокий взгляд, мягкие и аккуратные движения... Профиль его лица был настолько хорош, что, глядя на него, Гу Саньюй чувствовала, как её лицо пылает всё сильнее.

Заметив, что она сильно покраснела, Лу Чжэ коснулся её щеки: — Ты не заболела? Температура?

— Нет, — покачала головой Гу Саньюй.

Лу Чжэ снова приложил ладонь к её лбу — жара действительно не было.

Тогда почему у неё такое красное лицо?

Гу Саньюй сменила тему: — А как поступили с теми людьми?

— Как они тебя били, так я велел людям побить их в ответ, — добавил Лу Чжэ: — Вернул должок в двойном размере.

— Разве не в полицию отвезли? — удивилась Гу Саньюй.

Лу Чжэ произнёс властным тоном: — Сначала отлупим, потом отвезём.

— И правильно, так и надо с этой падалью поступать.

Гу Саньюй вовсе не была святошей. Раз уж эти ублюдки посмели среди бела дня обижать двух женщин, просто всыпать им ремня — это ещё мягко наказано. Вспомнив, что на оживленной улице не нашлось ни единого человека, готового прийти на помощь, она тяжело вздохнула.

— Больше, когда меня нет рядом, не смей так безрассудствовать.